

ДМИТРИЙ МИЛЬКОВ: Добрый день. Меня зовут Дмитрий Мильков. Сегодня 29 апреля 2020 года, и мы продолжаем наш проект «Ленин и Теперь». Проект является частью параллельной программы к выставке «И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством», или короче: «Ленин в Громове», которая открылась в арт-пространстве ДК Громов в начале марта. В рамках выставки и параллельной программы к этой выставке мы реализуем проект «Ленин и Теперь», который теперь реализуется в онлайн формате в виде дистанционных интервью. И здесь и сейчас с нами Артемий Магун, философ, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, политический теоретик. Артемий, спасибо вам огромное за возможность пообщаться, за ваше участие в данном проекте. Привет.

АРТЕМИЙ МАГУН: Здравствуйте.

Д. МИЛЬКОВ: Артемий, я предлагаю построить наш разговор вокруг нескольких кругов о Ленине. С одной стороны, в первую очередь, Ленин — политик и общественный деятель. С другой стороны — это давно некий мем, некая фигура мифологизированная. С третьей стороны Ленин — это мыслитель, философ. Чтобы нам не путаться и не путать нашего зрителя, предлагаю по этим кругам и пройтись. И если мы начинаем с фигуры Ленина как политика и общественного деятеля, то в первую очередь хочется спросить у вас, что такое Владимир Ленин для сегодняшней политики и общественной жизни? Не только в России, но и в мире в целом. Особенно что такое Ленин для «левых» политиков и «левых» общественных деятелей? Что такое Ленин для Берни Сандерса в США, для Николаса Мадуро, для Сергея Удальцова, для молодых кубинцев, для «желтых жилетов» во Франции? Что такое Ленин для сегодняшнего КПРФ. Об этом хочется услышать в начале нашего разговора.

А. МАГУН: Вы назвали разные имена и разного рода политические силы. И для них Ленин имеет совершенно разное значение. Для социал-демократии европейской и теперь нарождающейся американской никакого значения Ленин не имеет. Вы упомянули Сандерса и т. д. Вся социал-демократическая повестка, начиная с 60-х годов, строилась на отрицании ленинизма. На

мягком ненасильственном преобразении капиталистического общества по пути его превращения в социальное государство, государство всеобщего благоденствия, в котором сохраняются органично элементы рынка и т. д. На самом деле их программа не так уж сильно отличается от программы нэпа, которую Ленин в какой-то момент выработал с коллегами, товарищами, но тем не менее они этой связи не видят. Кроме того, в нэпе присутствовала политическая часть гегемонии и партии гегемонии пролетариата, которой в социал-демократии нет. Социал-демократия — это парламентаристская партия, движение. Здесь они к Ленину не близки. Так что здесь нет. Но вы упомянули латиноамериканскую политику, там ситуация совсем иная. Даже там, где латиноамериканские политики ведут социал-демократическую деятельность, они программу максимум свою соотносят с ленинизмом и видят в ней некий момент, этап на пути социал-демократической демократии, для них важна революция, революционное наследие. И идеи, и особенно имя Ленина для них важно.

У Ленина, как у любого политика прошлого, есть ипостась политического деятеля и его исторического вклада, и есть ипостась символа. В качестве успешного лидера Великой Революции, которая произошла в 1917 году, и одно из немногих успешных марксистских революций, Ленин стал символом, именем, памятником. И даже там, где его идеи потеряли применимость, даже в Латинской Америке, где ситуация всегда была совсем другая, чем в Европе, и ленинизм там всегда присутствовал в измененной форме. Тем не менее в качестве символа, я сейчас в целом говорю, он для латиноамериканских «левых» важен. Как вы знаете, в нулевые годы и в начале десятых Латинская Америка пережила волну радикальных социалистических проектов, успехов социализма в ряде стран: Венесуэле, Боливии. Но сейчас это движение пошло на спад, пришло в упадок, но это был важный момент в истории Латинской Америки, этап для политиков Чавеса, Моралеса. В качестве символа он был важен. И вообще ленинизм. И вместе с ним и советский опыт.

И вы спросили еще про российских «левых». Тут третья ситуация. КПРФ, Удальцов, но у него отличается позиция, чем у большинства КПРФ. Но в целом это в России консервативное движение с элементами ностальгии. И здесь Ленин является, скорее, символом утерянного прошлого, имперского величия. Фигура одновременно и революционная, и консервативная, которой он лично совершенно не соответствует. Ленин не был

консерватором, если только эстетически в культурном плане. По совокупности ситуации в постсоветской России, естественно, он приобретает эти консервативные коннотации.

Д. МИЛЬКОВ: Артемий, а такие европейские движения, как «желтые жилеты», которых сейчас слышно в меньшей степени, чем это было недавно из-за всех историй с пандемией. Но между тем понимая, что все эти движения крайне неоднородны, для них такие фигуры, как Ленин, его работы, мысли, практики, имеют значение?

А. МАГУН: Насколько я знаю, нет. Это популистское движение разнородные лозунги критические к власти выдвигает. Популистское в хорошем смысле, что народ против власти. Никакой теоретической платформы у них нет. Хотя у них есть социальные и даже социалистические лозунги в этом движении. Но они скорее спонтанные, и к истории социал-демократического и тем более коммунистического движения апелляции нет. Вообще европейская социал-демократия, а «желтые жилеты» — это ее популистский взвод, не ориентируется на Ленина. В Европе ориентации на Ленина почти нет.

Д. МИЛЬКОВ: Я уже не первый раз общаюсь с разными визави в рамках нашего проекта и вспоминаю задумку писателя Дмитрия Быкова, который хотел снять фильм о Ленине и даже запустил краудфандинговую платформу, которая не увенчалась успехом, и фильм не был снят. Но называться он должен был красиво — «Владимир Ленин. Человек, у которого получилось». Зная хотя бы чуть-чуть биографию Ленина, мы понимаем, что незадолго до 1917 года Ленин как политик, как человек, занимающийся реальной политикой, находился в ситуации, которая не очень предвещала успех, который вдруг выпал Ленину в 1917 году. По разным причинам: и внешним, и внутренним. По крайней мере у него многое получилось. Такой политик, как Навальный в России, что вы думаете, он думает о Ленине? Для него значит что-то его имя? Он хочет, чтобы у него что-то получилось, так или иначе? Для него этот пример является какой-то наукой, ориентиром, судя по тому, что вы видите?

А. МАГУН: Я не специалист по Навальному. Тем более по его психологии. Никаких его высказываний про Ленина я не слышал. А типологически я с вами согласен. Конечно, этот политик находится в ситуации, похожей на Ленина, как и многие. Это не исключительно. Есть такой феномен, как революционная политика, и это очень характерный для нового времени

феномен, начиная с французской революции. Ленин был не первым и не последним. Там был персоналистский сильный момент, но меньший, чем у Навального. Навальный — это такой ванменшоу, а Ленин таким не был. И момент игры вдолгую. Навальный играет вдолгую, этим он на Ленина и похож. Но разница огромная в том, что Ленин — это политик идеологический, и это политик, который был членом огромного революционного интернационала. В случае с Навальным, он попадает в ловушку, на глобальном уровне получается, что это политик европейского или американского, а в других странах она имеет революционное значение. У Навального не очень понятен его проект в глобальном смысле. Возможно, что он будет меняться. Навальный человек мыслящий, и он ищет. Но начинал он, конечно, просто как либеральный политик с популистскими заходами. Сейчас он меняется, мне интересна эта фигура. Но ни масштаба, ни шансов, какие были у Ленина, у него нет.

Д. МИЛЬКОВ: Если мы говорим о Ленине как о политической и исторической фигуре. Почему если я прав, из двух фигур, которые сделали XX век в России, и несмотря на то, что, по мнению некоторых моих достаточно молодых собеседников, они не имеют никаких счетов и никакого прошлого с Лениным, им кажется, что они могут начать думать о Ленине «с нуля». Я с этим не согласен. Мы в каком-то смысле продолжаем жить в обществе и стране, которая является следствием того, что произошло в 1917 году. И два человека — Ленин и Сталин — два политика, которые оказали колоссальное влияние и на весь XX век и, как мне кажется, и на ту ситуацию, в которой находимся мы сейчас. Почему в обществе последнее время, как мне кажется, растет популярность Сталина и некая ностальгия именно по Сталину, при этом с фигурой Ленина это не происходит?

А. МАГУН: Во-первых, я не согласен, что растет популярность Сталина, она раздувается недобросовестными социологами и либеральной интеллигенцией. Если ее искать, если приставать к людям, любят они Сталина или нет, они что-нибудь скажут. Но никакой актуальности этой фигуры не вижу кроме понятной удалить травму, это понятно, но большой актуальности я не вижу. А то, что вы говорите, что Сталин сейчас актуальнее Ленина, это связано с политическим курсом руководства страны, который является националистическим, империалистическим. Для него Сталин важен, как при прочих равных как человек, который строил Россию как национальную империю. Он это действительно делал. Так получилось, он

был в такой ситуации и таков был его проект с какого-то момента. А Ленин никакого отношения к этому не имеет. Он большой международный революционер, прежде всего и в этом смысле он совершенно находится в диссонансе с ориентациями современного российского руководства, современного российского режима. Поэтому то, что идет сверху, понятно, что Сталин ближе. Но в то же время он остается фигурой табу, он «перебрал» с любой точки зрения: и революционной, и национальной имперской. Поэтому я думаю и надеюсь, что как и в случае с европейской историей, это такие страшные катастрофы и эксцессы, которые долго еще будут аукаться и восприниматься негативно в целом. Такова и позиция Путина, что Сталин натворил дел, но тем не менее мы не должны сбрасывать со счетов, что он был руководителем страны, выиграл войну, усилил государство. С одной стороны, с другой стороны. Например, мы знаем позицию Путина по Ивану Грозному, которая является более оправдывающей: черная легенда, все преувеличено, что он был хороший государственный. И по Сталину похожая позиция, но так как это было совсем недавно, сказать, что это совсем легенда, Путин не может.

Д. МИЛЬКОВ: Если мы начали говорить о том, как воспринимается современным широким обществом и в том числе людьми, которые принимают решения сегодня, как воспринимается сегодня фигура Ленина, то перейдем к другому кругу. Ленин как некий мем, образ. Есть Ленин — международный политик. Есть Ленин — человек удивительной судьбы, уникальной. Человек, натворивший, сотворивший колоссальные вещи в колоссальной стране, оказавший колоссальное влияние на судьбы своей родины и не только. Почему все-таки на наших улицах российских, европейских, американских такое количество футболок, бейсболок с Че Геварой, но нет с Лениным? Почему есть татуировки с Че Геварой у молодежи, но нет с Лениным? Почему несколько лет назад в России были маркетинговые попытки совершить чудо — использовать фигуру Ленина для развития туризма. Была идея, что сотни тысяч китайцев поедут в Ульяновск или еще куда-то, притянутые очарованием фигуры Ленина. Тоже не получилось. Почему, с одной стороны, — колоссальный масштаб личности, как бы кто к ней не относился, и к тому, что было ею сделано, почему все-таки Ленин не Че Гевара?

А. МАГУН: Там много есть моментов, почему у Ленина нет популярности широкой, много причин. Нет той партии, того движения, которая бы сегодня

Ленина поднимала на щит. Есть отдельные теоретики, философы, которые возвращаются к Ленину, но политического движения нет. А это связано. Если бы такое политическое движение было, оно бы и футболки печатало, и вело бы какое-то переосмысление этой фигуры. А сейчас такого переосмысления нет. Ленин остался политически в прошлом. Кроме Латинской Америки, которую вы правильно упомянули. Китай не знаю. Не думаю, что он там значимая фигура. Что касается Че Гевары, то он отличается тем, что эта фигура стала популярна в 60-е годы. Это было время «левых», но антиавторитарных движений, которые объединяли в себе протест против капитализма в целом. Но также против и авторитаризма любого рода. Против войны само собой. Против американского империализма. Фигура Че Гевары легла на определенную романтическую революционную атмосферу 60-х годов. Ленин как фигура авторитарная, как человек без особых романтических устремлений, и кроме того, как родоначальник советского режима, который был авторитарным. Он к той революции никакого отношения не имеет. Конечно, в 60-е годы были философы, теоретики, которые обращались к Ленину, и тогда был продуктивный момент перечитывания Ленина и вообще классики марксизма: это Сартр, Альтюссер в большей мере. То есть Ленина читали. Но он не был основной, массовой, популярной фигурой, а Че Гевара был. Это был другой исторический момент. И вообще это идея антиавторитарных «левых», которая тогда возникла и до сих пор продолжается, она в пику Ленину идет и ленинизму.

Д. МИЛЬКОВ: Артемий, вы когда начали упоминать и произносить имена философов, вы позиционируете себя, как левого философа, тем более хочется задать вам вопрос. Что такое Ленин тогда для современной философии, в частности, для левой философии, для современной мысли более широко в России и в мире? Я смотрел ваш разговор на троих с Борисом Колоницким и Олегом Хархординым в день рождения Ленина. Там Олег Хархордин назвал Ленина «жалким эпигоном Маркса». Это так или не так? Что такое Ленин для современных мыслителей?

А. МАГУН: Я сам не являюсь большим ленинистом, даже и марксистом только в определенной мере. У меня своя особая позиция, философия. Но Ленин не был великим философом, конечно, но тем не менее он был грамотным философом. Он самоучкой освоил философию и сделал это неплохо, как и все, что он делал. Он был человек очень способный, очень грамотный. Актуальность у его мысли, безусловно, есть. И актуальность,

безусловно, не совсем по тем вопросам, по которым он многое взял у Маркса из марксизма. Конечно, он принимает общую материалистическую интонацию. Апелляцию к материи, которая есть у Маркса и к экономике особенно. И еще больше он перенимает черту, которая у Маркса идет от Гегеля, черту озабоченности действительностью. Для них для всех очень важно, что философия — это идея, которая становится жизнью, оружием, как Маркс говорит, которая не просто в болтовне выражается, а изменяет реальную жизнь, становится значимой в конкретной экзистенциальной ситуации. И Ленин был, конечно, очень чувствителен к этому и преуспел больше, чем Гегель или Маркс. Хотя Маркс тоже пытался заниматься политикой, но это было далеко не основное. А Ленин реализовал философию в каком-то смысле. И его деятельность носит черты философских его знаний, его мыслей, это — несомненно. Некоторая практическая гибкость, которую он постоянно демонстрирует, он ее пытался осмыслить и теоретически тоже. Говоря, что наше мышление гибко, постоянно переходит от одной позиции к другой, потому что реальность сама движется, сама является диалектическим процессом самоопровержения, поэтому мы имеем право постоянно себя опровергать, преодолевать и т. д. Философски он очень сильно повлиял на Альтюссера, а это один из крупнейших философов XX века, очень влиятельных в том, что он всегда пытался соотнести основную линию развития истории и всевозможные случайные привходящие обстоятельства. То есть у него была знаменитая теория слабого звена в отношении России. В принципе капитализм должен прорваться и трансформироваться там, где он развит, но иногда наоборот, революционное развитие может пойти обратным путем, и революция может произойти там, где капитализм не развит, но где он еще уязвим и соединен с всевозможными пережитками. Очень интересная идея. И вот этих вроде бы ситуативных привходящих моментов, как борьба с империализмом, с государством имперского образца, как в России, с феодальными пережитками, подключение крестьянства, которое вроде бы должно было быть более отсталым преодоленным классом, здесь оно подключается. И вот эти все моменты, которые не вписываются в линейную идеологическую схему истории, Ленин их и теоретически, и практически всегда пытался объединить вместе. И это такая неклассическая философия, он ее передал многим теоретикам уже, он ее взял и интересно развил. Туда же относится и идея гегемонии, которую Ленин очень активно развивал в 10-е годы, собственно, он сделал это слово понятием — гегемония. Имея в виду в

разное время гегемонию партии большевиков над обществом, гегемонию по отношению к крестьянам. И потом это слово сделало огромную карьеру в XX веке. Его теоретически развил Грамши, итальянский философ-ленинист. И потом оно в социал-демократии, даже в той, в которой уже от Ленина отделились, оно за гегемонию эту держалось.

Д. МИЛЬКОВ: Спасибо, Артемий. С точки зрения развития ленинской мысли, несмотря на заявленную самим Лениным противоречивость этой мысли и несмотря на то, что ленинская позиция, как вы и сказали, не смущалась этих противоречий, а считала их обязательными, неизбежными, естественными. Но на протяжении долгого времени Ленин, как мыслитель, выступающий против государства, выступающий за разрушение государства, исторически оказывается главным основателем одного из самых тоталитарных и авторитарных государств в мире в XX веке. Как с точки зрения именно ленинской мысли сочетаются эти вещи?

А. МАГУН: Да, это хороший вопрос. Я не знаю, насколько наши зрители знакомы с этой ситуацией. Действительно Ленин в 1917 году пишет трактат «Государство и революция», где воспроизводит традиционную марксистскую теорию, что государство при социализме, а потом и при коммунизме должно постепенно отмереть. Есть промежуточный момент — диктатура пролетариата, там государство временно усиливается, чтобы бороться с самим же государством. А потом оно отмирает. Но парадокс в том, что этот промежуточный момент зафиксировался. И с одной стороны, тут я не скажу ничего нового, но понятно, что это был некий просчет и Маркса, и Ленина. И более того, мы с вами немножко Сталина затрагивали, я как раз считаю, что философски причины сталинизма в том, что у большевиков, в целом у марксистов не было нормальной теории государства. Поэтому большевики, когда им пришлось строить государство, у них не было никакой теории государства. Они строили то, что, по сути, строить не должны. И изначально репрессии Сталина им замышлялись как борьба с бюрократией. Так же как потом у Мао это было. То есть именно в силу этого парадокса он и начал репрессии. Другое дело то, что потом он и для других целей их использовал и не мог остановиться. И были еще отдельные репрессии против крестьянства, которые другой характер носили. А собственно террор — это был террор против бюрократии. Это и было саморазрушение государства, которое предвидели Маркс и Ленин. Но даже этого Сталин не понимал, и у него и у партии не было никаких ресурсов, чтобы с этой ситуацией

справиться. Это чем-то похоже на римских императоров начала I века нашей эры. Они тоже там какую-то жуть творили. В их масштабах лагерей не было, они устраивали резню периодически, коней в Сенат сводили, какой-то был бред. Это тоже было связано с тем, что они пришли к власти в ситуации, к которой совершенно теоретически были не готовы. Там должна была быть республика, республиканские ценности. И вдруг там возникает монархия, и она ведет себя таким истерическим образом. Здесь Сталин попал в момент, который Ленин не успел или не мог продумать. С одной стороны. Но с другой стороны, и в этом есть достижение Ленина, в том, что в трактате «Государство и революция» он на самом деле теоретически-то видит эту проблему. Он ее не решает, но видит. И говорит, что получается, что социалистическое государство — это государство, которое все время должно себя преодолевать, должны возникать все время новые органы контроля снизу за самим же государством, и они образуют дополнительные эшелоны этого государства. Возникает такая странная парадоксальная структура. Государство диалектическое, которое находится в состоянии самоотрицания. Если мы посмотрим другими глазами на современную либеральную ситуацию, на современное либеральное государство, то оно вообще-то недалеко ушло. Марксизм с либерализмом достаточно тесно был связан. В либерализме тоже есть идея об отрицании государства. Она особенно сильна в неолиберализме. И поэтому неолиберальное государство примерно в других масштабах, так же как и ленинско-сталинское государство, занимается постоянно тем, что пытается отделаться от самого себя, что приводит к гипертрофии бюрократии. Ленин здесь важен как теоретик, который увидел здесь некоторые проблемы. Но решить он их не смог, у него не было ресурсов теоретических. Это вина не только его, но и Маркса.

Д. МИЛЬКОВ: Очень интересно. Очень интересная тема. Даже жалко, что мы не можем ее продолжить и развить. Но в связи с тем, о чем мы только что говорили, еще вопрос, который был крайне важен для советской интеллигенции конца 50-х начала 60-х годов времен оттепели. Но при этом даже когда я недавно разговаривал с писателем и литературным критиком Львом Данилкиным, автором последней большой ленинской биографии, Лев сказал, что если бы в 1924 году Ленин бы не умер, то его интеллектуальных сил, его воли и возможности изменяться, изменять свои взгляды, его хитрости и жестокости хватило бы на то, чтобы переломить ситуацию. И осознав, что что-то пошло не так, осуществить перенастройку, и все было бы

хорошо или очень хорошо. Или, по крайней мере, лучше, чем это было. Вы согласны с этим? Или здесь какая-то системная ошибка, и если бы Ленин оставался бы жив, то ничего лучше бы не было, потому что была системная ошибка, которую все равно было бы не преодолеть.

А. МАГУН: Нет, я согласен с Львом и многими другими авторами. Есть две школы мысли. Есть вот эта школа и есть школа мысли, которая говорит, что Сталин — это Ленин сегодня, что были объективные причины и т. д. Есть объективные причины, и есть субъективный фактор, никто его не может отменить. Сталин обезумел в какой-то момент. Это не подлежит никакому сомнению. Он обезумел объективно под влиянием очень сложной проблемной ситуации, в которой он оказался. Но Стивен Коткин в последней биографии Сталина тоже говорит, что Сталина он понимает до 1933 года, что он делал, его логику. Потом он его перестал понимать. Я думаю, что он прав. Там пошел процесс очень странный. Я уже сравнил Сталина с Нероном или Калигулой. Человек, который получает неограниченную власть в ситуации непростой, когда у него много врагов, есть угрозы, заговоры и т. д. Есть ситуация страны, еще более непростая, чем у римской республики или империи в то время. И который медленно в этой ситуации сходит с ума в известном смысле.

Были объективные обстоятельства. Вот нэп. Мы знаем, что политика нэпа натолкнулась на объективные трудности, когда начался экономический кризис, связанный с Великой депрессией, то товарно-денежные отношения между городом и деревней просто перестали работать, как они уже переставали во время гражданской войны. И в общем-то там была и угроза голода и какие-то планы по модернизации страны. Она была необходима и из военных международных соображений тоже. Было непонятно, как эту модернизацию проводить. А у большевиков все-таки была идея, как вывести страну. И в этой ситуации Сталин решил просто резануть по живому и устроить по сути фашистскую реформу, фашистскую политику параллельно с фашизмом. Террор 1937 года — это другой вопрос. У него была внутренняя логика изначально, и даже понятна эта борьба с бюрократизмом. Это был такой маоизм еще до маоизма. Но потом он с ума сошел. Там уже начали брать всех, и действительно, это уже выглядело как Нерон и Калигула. И дальше мания величия началась. Понятно совершенно, я полностью уверен, что в этих объективных условиях Ленин бы смог выкрутить, и страна не

потерпела бы такой исторический крах, как она потерпела, выиграв войну. Она потерпела крах репутационный. Так нельзя.

А какие-то вещи, например, коллективизацию, индустриализацию, Ленин бы тоже проводил. Эти идеи и у Троцкого были. Не то что они были оригинально сталинские. Вопрос все-таки, каким образом это делать, понимать, что ты делаешь. Не пугаться всего вокруг. Ленин был в этом смысле человек еще более смелый, вменяемый. Так что здесь я согласен с шестидесятниками, что история могла пойти другим путем. И очень жаль, что Ленин умер, Троцкий проиграл. Но Борис Колоницкий важную вещь в нашей беседе сказал, что Сталин был связан с гражданской войной. Он пришел на волне элиты гражданской войны, людей, воевавших в очень жестоких условиях. Любая гражданская война, она более жестокая, чем регулярная война. Поэтому он принес с собой военный стиль руководства. Опыт на войне он принес в мирную жизнь. Это тоже было неслучайно.

Д. МИЛЬКОВ: Вы упомянули Бориса Колоницкого, в вашей с ним беседе он сказал, что при всей атомизации нашего российского общества, достаточно значительной, при достаточно широком спектре взглядов, как на историческое прошлое России, так и на сегодняшний день, так и на возможный сценарий будущего развития, в современном российском обществе есть, как выразился Колоницкий, антиреволюционный консенсус. По крайней мере революционных перемен, повторения 1917 года не хочет или никто, или общество в целом явно против. Следовательно, если этому поверить, то ленинское наследие в какой-то степени значительную часть своей актуальности теряет на сегодняшний день. Вы согласны с этим?

А. МАГУН: Да, эмпирически я согласен, кроме того, что это повестка 80-х годов. Это был консенсус, когда перестройка была. И я написал об этом книгу свою первую «Отрицательная Революция», о том, что люди делали революцию, но они категорически не хотели, чтобы это была революция. Что для них революция означала 1917 год и т. д. И это был парадокс, и поэтому они не сделали настоящей революции, ничего у них не получилось.

Д. МИЛЬКОВ: А еще существует такое представление, достаточно распространенное, не знаю, согласны вы с ним или нет, я с ним не согласен, что мы сегодня живем в России — в стране победившей контрреволюции.

А. МАГУН: Да, я с этим согласен.

Д. МИЛЬКОВ: Но если это так, почему все-таки в стране победившей контрреволюции власти этой страны и общество, которое достаточно лояльно к власти в своем большинстве, не перенесет ленинскую фигуру совсем в прошлое. Почему существует боязнь захоронить Ленина, вынести Ленина из Мавзолея? Почему наши улицы, площади всех городов по-прежнему полны не столько памятниками Ленина, сколько его именем по-прежнему? Я много путешествую по России, и если ты заблудился, но ищешь центр города, то ищи улицу Ленина или площадь Ленина, или Революционную или Коммунистическую, то скорей всего правильно найдешь. Почему все-таки такие последовательные и вытекающие из победы контрреволюции шаги не делаются?

А. МАГУН: Тут никакой загадки нет. Президент РФ Владимир Путин высказывает прямо и объясняет, почему он этого не делает. И не только он, но он объясняет. Потому что это консервативное отношение к прошлому, как к нашему прошлому. Все, что было, — это наша великая страна, у нее были свои проблемы, свои катастрофы. И Ленина Путин не очень любит, мягко говоря. Но тем не менее это был руководитель страны, и в качестве руководителя страны он заслуживает уважения. Тем более что это был также предмет культа для целого поколения, которое еще не полностью ушло, и к этому Путин еще и по практическим причинам относится с уважением. Это консерватизм, традиционализм нашей нынешней власти, это ее идеология. Парадоксальным образом, если ты настоящий консерватор, то ты должен сохранять и революционера там. Интересно, аукнется ли это? В принципе, по идее может аукнуться. Это диалектика истории, которую мы, философы, изучаем. Если ты консерватор и консервируешь революцию, то революция может вдруг неожиданно дать тебе по рогам.

Д. МИЛЬКОВ: Артем, последний вопрос не философский. Я попрошу вас ответить, особенно не задумываясь. Это традиционный вопрос, который я, следуя законам жанра, решил задавать всем своим собеседникам в конце разговора. Назовите, пожалуйста, пять прилагательных, которые в первую очередь приходят вам на ум при словосочетании Владимир Ильич Ленин.

А. МАГУН: Трудно совсем не задумываться. Реалистичный, уверенный, блестящий, жестокий и мощный.

Д. МИЛЬКОВ: Спасибо, Артемий. Я напомним, что с нами сегодня был философ, политический теоретик, профессор Европейского университета в

Петербурге Артемий Магун. Мне очень приятно было то, что вы согласились принять участие в нашем проекте. Спасибо вам еще раз. Да не одолеет нас коронавирус. И я надеюсь, что мы с вами придем в ДК Громов, я вас от души приглашаю, и посмотрим выставку, которая открылась к 150-летию Владимира Ульянова-Ленина, и которая, как мне кажется, получилась на удивление удачной, интересной, яркой, и ее стоит посетить, я буду рад видеть вас в гостях.

А. МАГУН: Спасибо. Будьте все здоровы.